

Ирина Косыгина

*Вера.
Надежда.
Любовь*

Повесть. Рассказы

Ирина Косыгина
Вера. Надежда. Любовь.
Повесть. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28720088

ISBN 9785449017895

Аннотация

Любовь – это предельное страдание, боль о том, что человек несовершенен, и одновременно ликование о том, что он так изумительно, неповторимо прекрасен. Митрополит Антоний Сурожский

Содержание

Вера. Надежда. Любовь	5
Предисловие	7
Эпилог	11
1. Детство	14
2. Отрочество	26
3. Взросление	44
4. Алексей Николаевич Косыгин	50
5. Старцы	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Вера. Надежда. Любовь

Повесть. Рассказы

Ирина Косыгина

© Ирина Косыгина, 2017

ISBN 978-5-4490-1789-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вера. Надежда. Любовь
Посвящается людям
с ограниченными возможностями

С певицей Валерией. Юрмала 2012 год.

Предисловие

«Я думаю о детях: несчастных,
травмированных, безразличных обществу»

Я представляю себе их матерей, внешне таких разных и таких похожих внутренне. Кто-то из них жалуется на жизнь. Кто-то молчит, изображает, что все хорошо. Но от этого их жизнь не меняется...»

«Я хочу, чтобы те, кому сейчас плохо, не побоялись изменить свою жизнь. Чтобы у них появилась надежда...»

Эти заключительные строчки из моей книги «И жизнь, и слезы, и любовь», тесно переплетаются с историей жизни моей поклонницы Ирины, о которой, я теперь не могу не рассказывать.

Я счастливая артистка, потому что тоже получаю заряд энергии от общения с такими людьми. Понимаю, что делаю что-то хорошее, что вдохнула в жизнь людей с непростой судьбой особую струю, и у этого человека началась совсем другая жизнь, более интересная и насыщенная.

Я по-особому воспринимаю проблемы людей с ограниченными возможностями, а особенно детей-инвалидов.

Меня тронула история Ирочки, которая начинается с воспоминаний о раннем детстве, когда ее поразил тяжелый недуг. Как эта малышка мужественно боролась с болезнью, пыталась, не смотря ни на что, быть счастливым ребенком,

вести активный образ жизни, быть, как все дети.

Помимо болезни и своего утверждения в обществе, ей пришлось пережить и насилие в семье. Это серьезная социальная проблема, а если ребенок еще и инвалид, то вдвойне тяжелей.

Тревожными были и ее годы юности, когда приходилось годами лежать в клиниках, и не было рядом близких людей, рано ушедших из жизни. Но желание быть счастливой, стать матерью – взяли верх. Несмотря на запреты врачей, она стала мамой. К сожалению, жизнь с мужем, больным алкоголизмом, не принесла ей счастье. Мир померк для нее, исчезло желание быть просто Женщиной. Трудные годы, когда она одна поднимала свою дочку, и одновременно боролась с болезнью.

После нашей первой встречи, у нее появилось желание изменить себя, она начала по-другому смотреть на себя, и добилась уже неплохих результатов.

Во многом, конечно же, ей помогла вера. Она долго искала себя, немало и здесь пришлось ей пережить. Несмотря на свой недуг, пыталась помогать таким же больным и страждущим. Быть нужной и востребованной, помогать другим людям. Что может быть выше – страдая самой, уметь сострадать другим.

Жить без веры очень сложно. Все самое прекрасное, что происходит в жизни, происходит через обретение веры. Она помогает выжить физически, помогает обрести нормальное

человеческое счастье. Без веры – как без почвы, невозможно устоять.

Что бы с нами не происходило, мы никогда не должны терять веру в добро и любовь.

Порой люди об этом часто забывают, сгибаются под тяжестью своих житейских проблем.

Им кажется, что жизнь их закончилась и вообще ничего нельзя сделать!

А на самом деле все зависит от человека. Счастье возможно, и оно в наших руках.

Ирина, автор этой книги – открытый, добрый и искренний человек, который выдержит все трудности, все испытания, я в это верю!

Каждый человек, а особенно люди с ограниченными возможностями, задают себе вопрос – как все претерпеть, научиться верить, не сломиться? Как не погрузиться в пучину безнадежности? Как, не смотря ни на что, быть счастливым человеком?

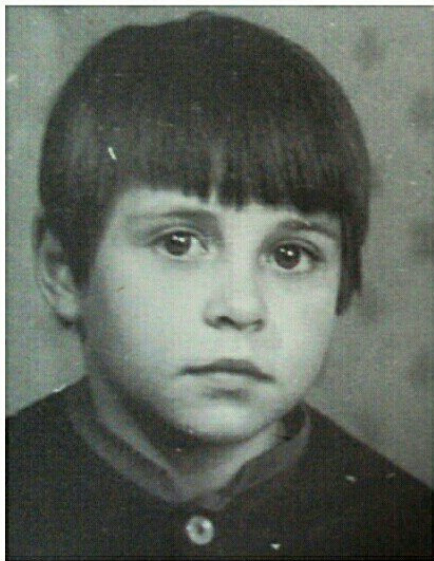
Эта книга, учит жить, и учит быть настоящим человеком. Книга написана, прежде всего, для таких же людей, как она сама, написана сердцем и душой.

Очень полезно будет ознакомиться с ней не только людям с ограниченными возможностями, но и здоровым физически, но часто больным душой и равнодушным к проблемам таких людей.

Это беда нашего общества и ее необходимо решать.

(Валерия)

Эпилог

Мне 8 лет.

Я боюсь только одного —
Оказаться недостойным моих мучений»
(Достоевский Ф. М.)

Когда – то давно, на небе, я была Ангелом!

Каждое утро, встречая рассвет, умывалась каплями дождя, играла с радугой, летала наперегонки с ветром.

Летала над землей и любовалась красотой лесов, полей

и рек. И не чувствовала своего тела, мне было очень легко и радостно на душе.

Очень часто вижу этот сон и не хочу просыпаться. Вижу себя с крыльями. Я лечу...

Вновь снится сон,
что я иду босая,
летая нежным лепестком,
иду вперед, мечтая...

А было столько раз мне больно,
и надежда гасла на бегу,
равновесие теряла я невольно,
и скользила, как на льду.

Было трудно все же не сдаваться,
верить, помнить и любить,
от души всегда смеяться,
и плохое все простить.

Идти вперед, не опуская руки,
от счастья плакать и любви,
переноса измены и разлуки,
расправив крылья у души.

Давайте верить в чудо свято,
ведь мы Творения Творца,
поверить в это очень трудно,
Любовь – она же навсегда!

Человек, который избегает испытаний, который не желает терпеть боль и скорбь, не хочет, чтобы его огорчили или упрекали, а стремится к безоблачной, безмятежной жизни, – оторван от реальности. Если человек испытывает боль – значит, его посетил Господь. А если у человека нет скорбей – скорее всего, это означает, что Христос оставил его.

(Преподобный Паусий Святогорец)

1. Детство

Я на земле... за что?

Помню себя с трех лет, страшную, дикую, нечеловеческую боль. Как я кричала! До сих пор эта боль в моей памяти, ее не изгладить ничем! Эту боль мне не забыть никогда!

Затем длинный-длинный коридор в больнице, меня куда-то везут, а в конце коридора яркий свет операционных ламп.

Было очень много операций, все перевязки под наркозом, я была вся пропитана гноем. Клиническая смерть... и заражение крови. Мамин крик и слезы: «Ни за что не дам ампутировать ногу, уж пусть лучше она умрет!»

Так мы и жили в больнице все четыре года – я на кровати, а мама – под кроватью, на полу.

По ночам меня вывозили спать в коридор, потому что я очень кричала, но не от боли, а от страха. Вокруг меня прыгали, тыкали своими лапами разные чудища (я тогда не была крещеной и крестилась в 30 лет вместе с дочкой).

На посту у медицинской сестры всегда горел свет, и я затихала.

Многие считают, что дети не могут испытывать сильную боль. В этом заблуждаются даже медики. Дети просто способны отвлекаться игрой или представлять мифических существ, которые их мучают. Думаю, это со мной и происхо-

дило.

Лежала я в больнице им. Раухфуса, рядом с БКЗ «Октябрьский». Теперь, когда я прохожу мимо, торопясь на концерт, всегда вспоминаю свое нелегкое детство.

Провела я в этой больнице с трех до семи лет. Все эти годы мама ухаживала за мной, была всегда рядом. Низкий поклон ей, за ее любовь и терпение.

Мамочка... она никогда на меня даже голос не повышала. Только когда я падала на мокром полу, и травмировала ногу, доставалось мне мокрой тряпкой. Всегда я была подвижной, энергичной, не знала чувства страха. Ну, подумаешь, упаду, ну поболит... это разве трагедия? В детстве все переносится проще, легче что ли.

Если б знали вы, как я хочу жить.
Маму любить, встречать рассветы.
И эту жизнь достойно прожить,
Чтобы уйти навеки в небо.

Если б знали вы, как мне нелегко,
Боль претерпеть, простить страдая.
И продолжать людей любить,
Милость от них, всегда ожидая.

Если бы мне пройти по росе,
Утро встречать, весну ожидая.
Чтобы солнца лучи бежали по мне,
Весь мир теплом согревая.

Ах, если бы мне уйти далеко.
За облака, за дальние дали.
Своими ногами бежать мне легко,
Траву и цветы приминая.

Как я хочу жить, провожая закат.
У Бога просить, чтобы люди любили.
Древо любви нам поливать,
Будут тогда они другими.

Если б знали вы, как я хочу жить.
Прощать всех, не переставая.
Верность друзьям своим мне хранить,
Любовью своей согревая.

С этапами взросления, появляется и проблем больше. Но уже, будучи взрослой женщиной, стараюсь радоваться каждой мелочи. Я могу ходить, работать, пусть и на костылях. Плавая в озере летом, не замечаю своих больных ног. Какое это счастье! Кто-то и этого не может испытать. Радуйтесь простым вещам, что вы можете ходить, бегать, дышать, видеть рассвет и закат, любоваться небом, цветами, слышать пение птиц.

Необходимо всегда и везде противостоять судьбе, быть достойным своих страданий. Это противостояние дает возможность превратить свое страдание во внутреннее достижение.

Например, неизлечимые больные, в чем смысл его страданий. Часто, лежа после операции в реанимации, думала, ну что за существование, никакой пользы от меня никому. Теперь я знаю, что смысл жизни имеет не только деятельная жизнь, дающая человеку возможность реализовать себя в творчестве или еще в чем-то. В страдании, заключен подвиг, внутренняя сила человека. Эту духовную свободу человека, нельзя отнять, и дает ему возможность до последнего же вдоха наполнять свою жизнь смыслом.

Страдание человека, является частью жизни также, как и судьба, и смерть.

Все зависит от того, сохранит ли человек силу духа, достоинство и самоотверженность или же утратит свою человечность. Человек должен быть достоин своих мучений.

Смирение... Сколько же его необходимо людям с ограниченными возможностями, а попросту инвалидам. Все время, веришь и ждешь добрых, бескорыстных поступков людей.

Когда в твоей душе наступит осень,
А тот, кого любил, предаст в пути,
Мы ни о чем его уж больше не попросим,
И не прижмем его к своей груди.

Всю боль свою я собираю в ладони,
В лазурь воды налью.
Не позавидую его я доли...

Его я также все люблю.

В земном раю живем,
не думая о бренном.
Купаемся в шелках, как короли.
И говорим легко – я не Рокфеллер,
И не протянем другу мы руки.

Совсем недавно сам в пыли скитался,
И ждал, кто оградит в беде.
Ты на бездушье не нарвался,
Друзья с тобой кругом, везде.

Случайно в жизни ничего не происходит,
Вся жизнь – сплошная книга перемен.
И кто стучал, то тот находит,
Кто отказал – пред ним закрыта дверь.

Грустная девочка сидела на берегу, свесив ноги в прозрачную воду. Водоросли тихонько щекотали их, прохладная вода успокаивала боль в ногах.

Яркое солнце светило в спину, вокруг щебетали птички, воздух был наполнен ароматом душицы и свежей воды. Белые ромашки склонили свои головки и тихонько касались ее руки.

Внутри каждого цветка тоже светило маленькое желтое солнышко.

Сквозь пелену слез, девочка слегка улыбнулась, уголками

губ. Маленькие солнышки тронули ее душу.

Белые лилии в воде, ласково смотрели на нее, будто хотели подбодрить слегка своим чистым светом.

Вокруг бегали другие дети, они не видели всей этой красоты вокруг. Топтали цветы, мутили воду, кидая в нее камни и коряги, ловили прекрасных бабочек, сажая их в банки. Кузнечиков, засовывали в спичечные коробки, и, приложив ухо, слушали, как они стрекочат.

Добрались они и до грустной девочки.

– Эй, ты, хромоножка, догони нас!

Дети все время дразнили ее, поэтому она любила оставаться одна, сама с собой и с Кем-то Невидимым, ласкающим ее волосы, утешающим тихим шепотом, рассказывая ей сказки.

Голос все время говорил ей:

– Не грусти, Я дам тебе намного больше, чем имеют здоровые телом, но убогие душой люди.

Даже, если ты будешь падать, спотыкаться, ты всегда будешь видеть Меня, слышать Мой призыв, чувствовать Мою Любовь.

Этой Любовью ты должна делиться с другими, прощать их за зло и обиды. Это будет твое самое большое богатство и приобретение.

Встала девочка тихонько и пошла по тропинке. Чистая, прохладная вода, успокоила, придала сил. На сердце стало веселей.

Радость – в малом!

«Кто нужды не видал, тот и счастья не знал». Часто, мы не ценим то, что имеем:

– Не дорожим здоровьем, которое нам дано.

– Имея достаток, не замечаем нуждающихся.

«Кому много дано, много и взъищется».

– Много говорим о добродетели, трубим в трубы, но на самом деле лицемерим, ибо много говорящий об этом, отнимает от себя и то, что заслужил.

Милостыня творится молча, чтобы об этом и не знал никто.

«Одной рукой собирай, другой раздавай».

– Обижаем убогих, голодных, насмехаемся над ними, отводим взгляд не замечая просящего.

«Сам в эту же яму и попадешь»

Здоровый и богатый пусть утешит больного и бедного; кто не упал –

упавшего и разбившегося; веселый – унывающего; наслаждающийся счастьем – утомленного несчастьями. Пока ты плывешь при благоприятном ветре, подавай руку терпящему кораблекрушение; пока ты здоров и богат, помогай бедствующему... Если и ничего не имеешь, поплачь вместе со страждущим: великое лекарство для него – милость, исходящая из твоего сердца; и искренним состраданием намного облегчается горе...

Вера, вера в Бога, всегда спасает. А искренняя молитва, тут же доходит до Него. Ибо Он самый Праведный и Милосердный. Помощь приходит, если не напрямую, то дается возможность заработать. А это намного приятней, чем подачки, милостыня от других. Такое не раз случилось со мной.

Считаю, что необходимо, прежде всего, дать возможность заработать людям с ограниченными возможностями.

Вы не представляете, как бывает трудно, переступить через себя и попросить помощи. А когда тебя еще обвиняют во всех смертных грехах при этом...

Но Бог поругаем не бывает!

Не обижайте убогих, слабых, больных, немощных телом и душой.

На нашем пути встречаются разные люди. Бог посылает нас друг другу. Случайных встреч не бывает, и мы должны понять, для чего Он это делает, стараться изменить себя и измениться другим.

Если этого не происходит в нашей жизни, то этот человек уходит из нее навсегда. Беда, если он так и не понял, для чего ты повстречался ему на пути.

Многие задают себе вопрос – за что? Теряя здоровье, близких и дорогих людей. «Я же веду праведную жизнь, помогаю другим, мухи в своей жизни не обидел».

Но значит что-то не так, чего-то не хватает в твоей жизни, чтобы заслужить прощение и спасение души.

Везде, всюду действуют духовные законы. Как важно их понимать, чтобы не совершать ошибок.

Некоторые люди, даже и представить не могут, насколько они могут быть жестокими по отношению к другим.

Иногда мы, как дети, остаемся доверчивыми и наивными, с искренностью думаем о добром, но только не о самом худшем, что может произойти в нашей жизни. Оправдываем людей, обстоятельства, надеемся на все самое светлое и лучшее. Мы порой наивны... от того и поражает нас, как гром с ясного неба – злоба, равнодушие, безучастие. Но уж лучше быть наивным.

Вот пишешь свои мысли, чувства, воспоминания, и думаешь, кому это нужно, кроме тебя самой?

Да и пишу я в основном, не для журналистов, не для светского общества, не для богатых и знаменитых. Пишу, для таких же, как я, никому не нужных обществу, но нужных Богу. Правда, есть надежда, что кто-то задумается и изменит свою жизнь. Все мы предстанем пред Ним нагими, с духовным багажом, а не со славой и деньгами. Судить Он нас будет по делам нашим, по поступкам нашим, по искреннему раскаянию, по сердцу нашему.

Если хочешь изменить мир – изменись сам.

Очень часто мы так боимся, делать добро. Залезаем в свою норку, где нам тепло и хорошо и стараемся ни о чем не думать.

Мы сильны внешне, но слабы духовно.

Мы умны, но не мудры.

Если мы не видим Бога – мы духовно слепы.

Бог касается твоего сердца – ты видишь и чувствуешь Его.

Помог себе – помоги другому.

Не в силах что-то изменить – смирись! Но не сдавайся.

Придёт время и все изменится.

Болят тело-это лучше, когда болят душа.

Любишь – скажи! Завтра может и не наступить.

Осудил кого-то, сам же заболеешь этим грехом, во много раз сильнее. Вспомни и попроси прощения.

Не хвались богатством – когда-то ты был нищ. Вспомни это протяни руку помощи.

О милостыне. Авва Дорофей.

Иной подает милостыню для того, чтобы благослови-лось поле его, и Бог благословляет его поле, и он достигает своей цели. Другой подает милостыню для того, чтобы спасся его корабль, и Бог спасает корабль его. Иной подает ее за детей своих, и Бог спасает и хранит детей его. Другой подает ее для того, чтобы прославиться, и Бог прославляет его. Ибо Бог не отвергает никого, но каждому подает то, чего он желает, если только это не вредит душе его. Но все сии уже получили награду свою, и Бог ничего не должен им, потому что они ничего душеполезного не искали

у Него, и цель, которая была у них в виду, не имела отношения к их душевной пользе. Ты сделал это для того, чтобы благословилось поле твое, и Бог благословил твое поле; ты сделал сие за детей своих, и Бог сохранил детей твоих. Ты сделал это, чтобы прославиться, и Бог прославил тебя. Итак, что же должен тебе Бог? Он отдал тебе плату, за которую ты делал.

Иной подает милостыню для того, чтобы избавиться от будущего мучения: этот подает ее для (пользы) души своей; этот подает ради Бога, однако же и он не таков, как хочет Бог, ибо он еще находится в состоянии раба, а раб не добровольно исполняет волю господина своего, но боясь быть наказанным: также и сей подает милостыню для того, чтобы избавиться от мучения, и Бог избавляет его от оногo. Другой подает милостыню для того, чтобы получить награду: сей выше первого, но и этот не таков, как хочет Бог: ибо он еще не находится и состоянии сына, но, как наемник, исполняет волю господина своего, чтобы получить от него плату и прибыль: также и сей подаст (милостыню) для того, чтобы приобрести и получить награду от Бога... Мы <же> ДОЛЖНЫ ПОДАВАТЬ МИЛОСТЫНЮ РАДИ САМОГО ДОБРА, сострадая друг другу, как своим членам, и так угождать другим, как бы мы сами принимали от них услуги; подавать так, как будто бы мы сами получаем; и вот сие-то есть разумная милостыня; ТАК

ПРИХОДИМ МЫ В СТЕПЕНЬ СЫНА...

2.Отрочество

Уже много лет спустя я поняла, что Бог начал мое испытание!

И не дай Бог, испытать матерям болезнь своего ребенка! Когда не знаешь, чем помочь?

Как всегда, беда не приходит одна – в этот трудный период маминой жизни загулял отец, сломался. Старшего брата пришлось отдать в интернат.

Да, родилась я не одна, а с сестренкой-двойняшкой. Аллочка умерла через месяц после рождения от пупочного сепсиса. До сих пор мне не хватает ее, я часто думаю о ней. Мама говорила, что она была очень красивой.

Иногда, мы не можем понять, почему у Бога, такие планы на нас.

Главное в жизни, это не – «легко», главное, это – «возможно».

В один миг, ты лишаешься конечности, здоровья, жизни, родных, друзей.

Тебе кажется, как все несправедливо, ты задаешь себе вопрос – «за что?»

С детства, я считала себя самым несчастным ребёнком на свете.

Я обижалась, обижалась... И сейчас ещё обижаюсь

на что-то или кого-то. Это называется – гордыня, начало всех пороков.

А Он, всего – то, хочет для нас блага, Он очищает нас, чтобы мы не повторяли своих ошибок.

По православному учению, реинкарнации нет. Но что – то есть. Иногда нам кажется, что это событие с нами уже происходило и в этом месте мы уже были, и слова эти говорили.

Нам много не открыто, мы просто бы не выдержали, Вселенная-это сплошная тайна. Бог нам всегда показывает, о чем мы должны прежде всего заботиться. Надо – Любить!

Просто – Любить, всем сердцем!

Это основа всего живого, всей жизни.

Ученица третьего класса.

В первый класс я пошла на костылях! Школа была рядом с домом, поэтому директор уговорил мою маму отказаться от надомного обучения, за что я ему очень благодарна.

Я росла и развивалась, как все дети, а если меня кто-то пытался дразнить, тому я просто давала сдачи. Только сейчас в наше время заговорили о том, что дети-инвалиды должны учиться со здоровыми детьми, чтобы они не чувствовали себя ущербными. И если честно, я ненавижу слово «инвалид», я не воспринимаю себя такой, это люди сами придумали. Ощущаю это только тогда, когда в зрительном зале не могу сесть на кресло, потому что нога не сгибается, а расстояния между креслами слишком маленькие; не могу сесть в общественный транспорт, особенно зимой, потому что подножки высокие, а из-за сугробов водитель не может ближе подъехать; не могу плавать в обычном бассейне; не берут на работу рядом с домом, потому что боятся моих костылей, а где берут, туда мне не доехать. Просто какой-то замкнутый круг!

Мы, которые не такие как все – изгои общества. Повезло тем, чьи родители занимаются ими. Моим было не до того, надо было зарабатывать на хлеб насущный. Меня спасали мои многочисленные «лежания» в больницах. Это была хорошая жизненная закалка и способ стать самостоятельной. Ведь в дальнейшем я годами проводила время в лечебных учреждениях, и родители меня навещали крайне редко.

Весь первый класс мама меня протаскала на руках. Однажды был такой случай: мама с папой пошли в Московский Универмаг, а он находился довольно далеко, остановки четыре от дома. Родители меня брать не хотели, потому что бы-

ла зима, да и я была на костылях. Каково же было их удивление, когда я окликнула родителей уже у самых дверей магазина, а ведь мне было только семь лет, и дороги приходилось переходить. Ох, и настырная же я была! Этот мой характер и помог мне пробиваться в жизни, добиваться благополучия.

Только летом я пошла на поправку. Мы снимали дачу в Ленинградской области, в поселке, под Вырицей. Там жила одна бабушка, которая научила мою маму как меня лечить. До сих пор у меня на ноге гноились раны.

Результат лечения врачей был неутешительный – при многочисленных чистках они задели ростковую зону на ноге, и она перестала расти. В семь лет укорочение моей ноги составляло восемнадцать сантиметров.

Лечила меня мама так. Она сажала меня в ванну на перевернутый табурет, ногу обвязывала вереском. Вниз в ванну клала большие круглые булыжники и поливала их кипятком. Ногу обдавало паром, и из ран извиваясь, выползали красные и черные червячки. В народе эту болезнь называют «костоед». При этом мама еще шептала молитву.

Хочешь верь, хочешь нет, но через полгода все мои раны затянулись. Я бросила костыли и... побежала. Во мне столько было энергии, что со мной никто не мог справиться – ни в школе, ни дома.

Очень хочется путешествовать и обойти весь земной шар.

В школе хватала одни двойки, учителя же из жалости ставили мне тройки. Пятерки были только по чтению, рисованию, пению и по труду. Я не могла усидеть за партой, мне надо было постоянно двигаться! А сколько раз меня выставляли из класса за дверь! Родители просто на меня рукой махнули.

От физкультуры меня в школе освободили, а я была очень подвижна, любила и на лыжах покататься, и с горки. Обычно урок физкультуры был последним уроком, я бежала домой за лыжами и потихоньку ехала за всем классом. Учитель только всплескивала руками: «Ну что же мне с тобой делать?» А если я на них падала, то потом лежала дома неделю с распухшей ногой. Но все равно потом опять упорно вставала на лыжи.

Однажды, я чуть не снялась в кино. Позвала меня за компанию соседская девочка поехать на Ленфильм, там проходили пробы на фильм «Ход снежной королевы», как раз про лыжников, я должна была играть какую-то эпизодическую роль. Так вот, пробу я прошла, а она нет, как она потом плакала. Я пожалела ее и сниматься не поехала, чтобы ей не было обидно. Долго мне тогда присылали вызов по почте.

В девять лет я первый раз поехала в пионерский лагерь. Брать меня тогда врачи на комиссии никак не хотели. «А ес-

ли с ней что-нибудь случится?» – говорили они. Со мной действительно «случилось» – я научилась плавать, так что в конце лета среди ребят своего возраста заняла первое место.

Несмотря на свое большое укорочение ноги, я скакала на скакалке, каталась на велосипеде, играла во все игры во дворе, особенно с мальчишками, потому что они меня никогда не дразнили. Вспоминая то время, думаю, что я была счастлива!

Из девочек у меня была только одна подружка, самая, что ни на есть настоящая – Олечка. Очень воспитанная, из хорошей семьи. Она постоянно помогала мне с учебой. Когда я была еще слаба, она носила мой портфель и провожала домой. Ее родители не очень одобряли нашу дружбу, потому что наша семья считалась неблагополучной. Мой отец пил, гулял, иногда поднимал руку на меня и на маму, унижал нас.

В НИИ им. Турнера. Мне 15 лет. Слева направо. Люда Будкина с с Ростова, я, Таня Лыткина с Вильнюса, Наташа Безгодько с Ростова на Дону (она уже ушла в мир иной), Таня Лапицкая с Мурманска.

Так продолжалось мое сравнительно беззаботное детство, пока родители не решили меня положить на лечение в ДНИИ им. Турнера в Пушкине.

Снова операции, операции, операции. И так до семнадцати лет. Каждый раз надежда, что я стану здоровой.

Существенно, помогали в основном тем детям, чьи родители могли заплатить, а на таких, как я ставили опыты, писали диссертации.

Когда я уже работала в РНИИ травматологии и ортопедии

им. Вредена, один доктор, который оперировал меня в детстве признался мне, что «все они мне по гроб жизни должны»! Ни зла, ни обиды я на них не держу – это мой путь.

Жизнь шла своим чередом – там мы влюблялись, дружили, по ночам мазали мальчишек зубной пастой, вечером убежали за территорию в магазин, потому что нам постоянно хотелось есть. Готовились к выпускным экзаменам. На удивление у меня проснулась тяга к учебе, я занималась даже по ночам с фонариком. Самое смешное, что меня одну из всего класса освободили от экзаменов.

Институт травматологии и ортопедии был для меня родным домом. Там я чувствовала себя гораздо лучше, чем дома, была счастливее.

Мы с ребятами придумывали к каждому празднику спектакли, читали стихи, пели песни.

Были очень счастливые дни и не очень. Особенно, когда всю нашу палату, нас было четверо, одновременно прооперировали, и не было никого «ходячих», чтобы просто что-то подать, поднести. Тогда мы придумывали систему палок и веревок.

По ночам же, мы любили хором петь песни (особенно, когда от боли не могли заснуть). Медсестра вызывала дежурного доктора и нам всем давали успокоительную микстуру, но она не всегда помогала.

Вообще у нас была самая веселая палата, ведь нам уже

было по шестнадцать лет.

Иногда мы устраивали соревнования – гонки на костылях по коридору или по лестнице, кто через сколько ступенек дальше прыгнет. Однажды я «пропахала» весь лестничный пролет своим аппаратом Илизарова, тогда он у меня стоял на голени. В стопе я сломала все спицы, мой лечащий доктор потом по кусочкам вынимал их из ноги и проводил новые. При этом он со слезами на глазах все повторял: «Потерпи, миленькая моя». Я его еще и успокаивала, что все нормально мол, не переживайте.

Были и депрессии, когда я перестала есть, плакала по ночам и очень сильно похудела, не спала ночью. Врачи приняли решение – снять аппарат Илизарова, опасаясь за мое психическое здоровье. После этого я пошла на поправку. Все-таки не каждый выдержит два года такого «лежания».

Рядом с Институтом была воинская часть. Сначала мы пускали друг другу «зайчики» в окна, потом ребята стали вечером сбегать из казармы и приходиться к нам под наши окна (у нас был первый этаж). Молодость свое берет. О наших похождениях доложили заведующей отделения и нас вызвали на «ковер». Сначала она была с нами очень строгой и грозила досрочной выпиской, а потом рассмеялась и пригласила сама курсантов в Институт. Нам устроили танцы! Да-да, танцы! И мы танцевали с одним костылем под мышкой.

Елена Григорьевна уже ушла из этой жизни, но вспоминаю ее добрым словом. Когда я была уже замужем, приезжала в Институт, чтобы проконсультировать у нее свою новорожденную дочку, она пустила меня в свой кабинет, чтобы я могла покормить ее грудью. И все причитала: «Надо же, у моего „цыпленка“ уже у самой дочка!»

Кстати, все девочки из нашей палаты благополучно вышли замуж, родили детей, у кого-то их и двое. Мы до сих пор поддерживаем друг с другом связь.

В общей сложности я пролежала в НИИ им. Турнера с одиннадцати до семнадцати лет.

Замкнутость пространства, общения, пока год, а то и два лежишь в клинике, делает мир очень далеким, недоступным, реальность теряется. Смотришь из окон, за забором идут, спешат куда-то люди, жизнь там, как нечто призрачное, не реальное.

Очень тяжело потом после выписки домой, найти себя, понять, для чего и зачем тебе жить дальше.

Святые отцы о болезнях

Болезнь – вот школа смирения, вот где видишь, что нищ, и наг, и слеп. (Прп. Амвросий Оптинский)

К службе церковной непременно должен ходить, а то бо-

лен будешь. Господь за это болезнью наказывает.

Бывает, что болезнь схватывает, чтобы пробудить душу заснувшую.

(прп. Амвросий Оптинский)

Господь для того и болезни посылает, чтобы помнить о смерти и от памяти перевести к тому, чтобы болящий озаботился, наконец, и приготовлением к смерти.

Болезни наши большею частью происходят от грехов, почему лучшее средство к предупреждению и исцелению от них состоит в том, чтоб не грешить.

Бывает, что Бог болезнью укрывает иных от беды, которой не миновать бы им, если бы они были здоровы.

(свт. Феофан Затворник)

Господь недостаток наших добрых дел восполняет или болезнями, или скорбями.

(свт. Димитрий Ростовский)

Брат спросил авву Арсения: «Есть некоторые добрые люди, почему они во время смерти подвергаются великой скорби, будучи поражены болезнью телесною?» «Потому, – отвечал старец, – чтобы мы, как бы солию досолившись здесь, отошли туда чистыми».

(Патерик Афонский)

Болезни примиряют нас с Богом и вводят снова в любовь

Его.

(св. прав. Иоанн Кронштадтский)

Если оттерпелся здесь, не будешь терпеть на том свете вечных мук, а, напротив, будешь наслаждаться таким блаженством, перед которым теперешнее счастье – ничто.

(свт. Феофан Затворник)

Господь из любви к нам посылает по силе каждого болезни и скорби, но дает и терпение их, чтобы сделать и нас участниками Своих страданий; кто здесь не страдал Христа ради, тот будет угрызаться совестью в будущем веке, – ведь можно было показать свою любовь ко Христу терпением болезни и скорбей, и не сделал этого, стараясь уклониться и избежать всяких скорбей... Не в гневе, не для наказания посылает нам Господь болезни и скорби, а из любви к нам, хотя и не все люди, и не всегда понимают это.

(прп. Пимен Многоболезненный)

Надо благодарить Бога за болезни и искушения, ибо в них мы испытываемся в любви ко Господу, ближе становимся к Нему, а в этом вся цель жизни христианина – шествовать ко Христу, Спасителю нашему.

Болезнь – вот школа смирения, вот где видишь, что нищ, и наг, и слеп. (Прп. Амвросий Оптинский)

У нас в семье случилось горе – умер мой младший бра-

тик, ему было всего три года, он родился с пороком сердца и до операции не дожил несколько месяцев. За несколько дней до того, как его не стало, у меня было предчувствие. Эти предчувствия беды у меня были не раз. Возникают у меня они только к тем людям, с кем я близка духовно, с кем связывают меня невидимые нити.

Проплакала весь день, потому что очень любила его. Няничалась, как со своим ребенком – переодевала, кормила, давала лекарства и кислородную подушку, когда у него был приступ. Маме приходилось работать, и она оставляла меня с ним, мне даже приходилось пропускать школу. Поэтому для меня это было равносильно потере собственного ребенка.

Сейчас, когда я прохожу мимо территории Института в Пушкине, сердце мое сжимается от боли, когда я вижу детишек на костылях, лежащих на каталках, в инвалидных креслах. Они пытаются быть жизнерадостными, вести себя, как все обычные дети. Каждому из них предстоит пройти свой жизненный путь, найти свое место в этой жизни. Ведь Бог печется о каждом своем создании.

Один священник мне сказал, что я страдаю за грехи своих родных, может быть не за одно поколение.

Мне так страшно: на стенке черти,
И собака смотрит в глаза.

Я кричу сквозь сон болезни,
Уберите их от меня.

На кровати лежу больничной,
Мне всего лишь четыре годка.
Годы мчат тоской заунывной,
В семь я встала и все же пошла.

Не пошла я, а побежала,
И угнаться не мог никто.
Годы радости я провожала,
Детство быстро мое прошло.

В девять стала совсем я взрослой,
Брат родился совсем больной.
У его кровати тревожно,
Проводила время с тоской.

Тут отец загулял, напился,
Приставать стал ко мне больной.
Не понимала ни в чем я смысла,
Только плакала все порой.

Мне так страшно: и в жизни черти,
Издавались все надо мной.
Я любила... и все прощала,
Отец был любимый мой.

Пролетели годы в больнице,

Умер братик во сне, и я
Потеряла смысл жизни,
Годы свои торопя.

Мне семнадцать лет набежало,
Годы юности радостно жить.
Только я в суде провожала,
Любовь к отцу... Все забыть!

Вот я замуж вышла, и дочка,
Так радуется сердце мое!
Только с мужем, опять же, точка!
Это все не мое.

Мне так страшно: летят лишь числа.
Любви в душе нет давно.
Только боль на душу ложится,
Не полюбит меня никто.

Без любви жить, не вижу смысла.
Заунывно плачет душа.
Мне билетик в карман ложится,
Это тоже жизни игра.

Мне не страшно уже: я на концерте.
Так поет от любви душа!
Убежали из мрака черти,
На сцене поет Сестра!

Сестра, что давно потеряла,
Забрали на небо ее.
И душа ее вмиг узнала,
Не поверит в это никто.

От любви все забыла числа,
Пыталась догнать везде.
Без нее в жизни не было смысла,
Покой не найду нигде.

Была радость и счастье на сердце,
От любви улыбалась во сне.
Так хотелось всегда быть вместе,
Но жизнь коварна везде.

Ангел ты мой, небесный!
Ты всегда будешь рядом со мной.
Звучать будешь в каждой песне,
И уймешь разлуки боль.

Боль от недопонимания,
Так ждала я любви глоток.
Боль моя от невнимания,
Улетает любви лепесток.

Мне так страшно: на сердце пусто.
Покрыла глаза пелена.
Любить – это тоже искусство,
Люблю тебя также сестра!

Ты не ангел, я это знаю,
Но в том и секрет любви.
Любой тебя принимаю,
Не за деньги и славу, прости.

Для меня ты проста и открыта,
Читаю жизнь я с листа.
Я для тебя фантазерка...
Пускай! Жизнь, ведь это игра.

Мне так страшно: на сердце пусто.
И боль одна лишь в груди.
Скажи только, что прощаешь,
Скажи: «Ириш, не грусти!»

Я знаю, я фантазерка.
Фантазирую я Любовь.
Фантазирую только Счастье,
Пусть оно от меня не уйдет!

Те, кто родились калеками или стали калеками по вине других или по своей собственной невнимательности, если не ропщут, но смиренно славят Бога и живут со Христом, будут причтены Богом к исповедникам.

(Паисий Святогорец)

3. Взросление

НИИ им. Турнера, 17 лет

Мне исполнилось 17 лет, меня наконец-то выписывают из клиники! Приехала за мной мама и не хочет меня забирать. Сидит и плачет, – «куда же я тебя заберу, дома «такое» творится! Оказывается, отец привел новую жену-пьянчужку (с мамой они были уже в разводе), спят они на кухне, одну

комнату сдают, а мама с братом – в другой комнате.

– Забирай, – говорю, куда угодно, я здесь уже устала.

Вернулась я домой, и пришлось мне на родного отца каждый день милицию вызывать. Он нас с мамой бил, однажды меня чуть не скинул с балкона. Мы собрали кое-какие пожитки и сбежали из дома к бабушке, а она жила в одной комнате в коммунальной квартире. Так мы прожили два года. Я устроилась на работу в Вычислительный Центр на улице Желябова учеником, надо было работать, помогать маме.

Хоть и в тесноте, но жизнь сравнительно наладилась, пока нам не пришла повестка в суд, отец нас выселял из квартиры. К бабушке нас не прописывали, по закону у нас была своя жилая площадь. Пришлось мне взяться за дело, наняла адвоката. Прошлась по всем бывшим соседям, чтобы они дали свои показания. Мама только плакала, а брат был так забит, что всего боялся.

В результате, отца самого чуть не выселили, я же согласилась на размен жилья, потому что ходить по судам уже не было сил не моральных, не материальных.

Вот так мой любимый когда-то в детстве папочка превратился в «монстра». А ведь, когда мы были совсем маленькими, он нас любил, занимался с нами, водил по музеям, в кино. И сам он был очень «рукастым» – сам дома мебель делал, постоянно что-то чинил. А я всегда была рядом с ним, всем интересовалась, даже протекающий кран знала, как надо починить. Отец всегда говорил, что мне надо было родиться

мальчиком.

Вы знаете, как самка выбирает себе отца для своих орлят? Она делает такую интересную вещь.

С дерева или куста она отламывает веточку, берёт её в клюв, поднимается на большую высоту и с этой веточкой начинает там кружить. Вокруг самки начинают летать орлы, тогда она бросает эту ветку вниз, а сама смотрит. И вот какой-то орёл подхватывает эту ветку в воздухе, не дав ей упасть, а затем приносит её к самке очень аккуратно, из клюва в клюв. Орлица берёт эту ветку и опять бросает вниз, самец вновь её ловит и приносит ей, а она опять бросает... И так повторяется много-много раз. Если на протяжении определенного времени и неоднократных бросаний ветки орёл каждый раз подхватывает её, то самка выбирает его, и они спариваются с ним.

Зачем она это делает, вы потом поймёте.

Затем они собираются высоко на скале, выют гнездо из жестких прутьев, редкое, достаточно жесткое, и мама с папой начинают выдирать из себя, из своей собственной плоти, клювом пух и перья. Этим пухом и перьями они выстилают гнездо, забивают все дырки в нём, делают его мягким и тёплым. В такое мягкое и теплое гнёздышко орлица откладывает яйца, затем они высидывают птенцов. Когда

появляются орлята (а они приходят на Свет Божий такими маленькими, голенькими, немощными), родители прикрывают их своим телом, пока они не окрепнут. Заслоняют крыльями от дождя, от палящего солнца, носят им водичку, пищу, и птенцы растут. У них начинают расти перья, крепнут крылья и хвост.

И вот они уже оперились, хотя ещё маленькие. Тогда мама с папой видят, что уже пора...

Папа садится на край гнезда и начинает колотить по нему крыльями: молотит, колотит, трясёт это гнездо. Для чего? Для того, чтобы выбить все перья и пух, чтобы остался только жесткий каркас из веток, который в самом начале они сплели и сложили. А птенцы сидят в этом вытрясенном гнезде, им неудобно, жестко, и они не понимают, что же случилось: ведь мамочка и папочка были раньше такие ласковые и заботливые. Мама в это время летит куда-нибудь, ловит рыбку и садится где-то метрах в пяти от гнезда, чтобы птенчики видели. Потом на виду у своих птенцов начинает эту рыбку потихонечку есть. Птенцы сидят в гнезде, орут, пищат, не понимают, что же случилось, ведь раньше всё было по-другому. Мама с папой их кормили, поили, а теперь всё пропало: гнездо стало жёсткое, перьев и пуха уже нет, и ещё родители сами рыбку едят, а им не дают.

Что же делать? Кушать ведь хочется, надо выбрать-ся из гнезда. И тогда птенцы начинают делать движения, которые они никогда раньше не делали. Они и дальше их не делали бы, если бы родители продолжали с ними нянчиться. Птенцы начинают ползти из гнезда. Вот орлёнок вываливается, такой неуклюжий, еще ничего не умеет, ничего не знает. Гнездо стоит на скале, на отвесном утёсе, чтобы никакие хищники не подобралась. Птенец срывается с этого склона, брюхом по нему едет, а потом летит в пропасть. И тут папа (тот, который ловил когда-то веточки) стремглав бросается вниз и ловит себе на спину этого орлёнка, не дав ему разбиться. И потом, на спине, он поднимает его опять в неудобное гнездо, опять на скалу, и всё начинается сначала. Эти птенцы падают, а отец их ловит.

А Отец ловил их, как орел, на Свою спину. У орлов ни один орлёнок не разбивается.

И вот в какой-то из моментов падения орлёнок начинает делать движение, которого никогда раньше не делал: он расправляет на ветру свои боковые отростки-крылья, попадая в поток воздуха и таким образом начинает летать. Так орлы учат своих птенцов. И как только птенец начинает летать сам, родители берут его с собой и показывают места, где водится рыба. Они уже не носят её ему в клюве. Это очень хороший пример того, как нам воспитывать своих детей. Как важно не передержать их в тёпленьком

гнездышке! Как важно не перекормить их рыбкой, когда они и сами уже могут её ловить! Но с какой заботой мы должны научить их летать, посвящая этому свои силы, и своё время, и мудрость, и навыки! Не зря самка выбирает самца, бросая веточку. Она же не хочет, чтобы её дети разбились. Выберешь нерадивого папашу без проверки, а потом детей недосчитаешься... У орлов и так птенцов мало, один или два...

Протоиерей Максим Вольнец

4.Алексей Николаевич Косыгин

Косыгин Алексей Николаевич

Родственником моего отца, был – Алексей Николаевич Косыгин. Отец приходился ему двоюродным племянником. В общем, десятая вода на киселе...

Недавно я устроилась на работу медсестрой в «Университет Технологии и Дизайна», там прямо культ почитания Косыгина Алексея Николаевича. Заведующий кафедрой физкультуры, когда узнал, что он мне родственник, несколько раз ко мне приходил и звал в музей университета, посвященный Косыгину А. Н.

Алексей Николаевич очень помогал Университету. Надо же, что именно туда мне и надо было устроиться работать...

Иногда я в себе ощущаю что-то «косыгинское», характер что ли?

Когда мы были маленькими, он помог нам с квартирой, но дальше этого родственные чувства закончились. Когда родители развелись, пришлось разменять нашу квартиру, где прошло мое детство.

Отец, хоть он уже и умер давно, до сих пор мне снится по ночам в страшных снах. Я давно его уже простила в душе, записки в церковь за него подаю, но видно, его душа никак не успокоится. Умирал он очень тяжело – от рака легкого, дома, один. Его новая жена даже обезболивающие лекарства у него воровала. Брат ездил к нему перед смертью, а я так

и не смогла, не могла забыть, как он мучил маму и меня! Он перед смертью звал ее, просил прощения, только поздно уже было, мамы десять лет как уже не было.

А ведь он еще шестнадцатилетним мальчишкой ушел на фронт, был контужен, много знал и читал.

Алексей Николаевич Косыгин, мой дальний родственник по родству, но близкий по духу.

Очень жаль, что я не знала его ближе лично. Когда мои родители имели с ним хоть какую-то связь, я была слишком маленькой. Хочется, чтобы, как можно больше людей знали об этом удивительном человеке, особенно молодое поколение, они не знают даже кто это такой.

Знаю, что это был очень честный, искренний и добрый человек. Не отказывал в помощи даже дальней своей родне.

Косыгин Алеша (крайний справа), отец Николай Ильич,

Сестра Маруся и брат Павлуша

Родился он 21 февраля тысяча девятьсот четвертого года. Был он третьим ребенком в рабочей семье Николая Косыгина, выходца из крестьян Московской губернии.

Алеша очень рано потерял маму. Его отец, Николай Ильич, всего себя посвятил детям, сам поднимал троих детей – Павлушу, Марусю и Алешу. Маруся с детства была инвалидом, так до старости и осталась маленькой, самая любимая у отца.

Однажды, Алешу увели цыгане. Вышли они во двор с Марусей, а их окружили незнакомые люди, и через десять минут девочка осталась одна. Ее братик с льяными кудрями, доверчиво ушел с тетей в пестрой юбке, подавшей ему теплую руку.

Зареванная Маруся побежала к соседям. Пока спохватились, за развеселой компанией уже оседала пыль. Цыгане торопились к Большому Сампсониевскому проспекту. В урочный час его заполняют рабочие смены с заводов и фабрик, прильнувших к Большой Невке. Соседи едва успели отбить Алешу. Тот день Николай Ильич считал вторым днем рождения младшего сына.

Дом Косыгиных всегда был полон гостей и родственников. Помочь им всегда были рады, но за протекцией сюда стучаться было бесполезно.

Блокадный Ленинград. Алексей Николаевич много раз летал туда, выполняя поручения Сталина. Вот одна деталь, подмеченная спутником Косыгина Анатолием Сергеевичем Болдыревым.

«По стыллой улице двое парнишек тянули санки, на которых лежал их братишка или сосед. Типичная для тех дней картина. Так свозили покойников по всему городу. Что-то заставило Косыгина остановиться у этой горестной процессии и спросить, кого везут хоронить. Ребята еще не успели ответить, как Алексей Николаевич заметил, что у мальчика, лежащего на санках, дрогнуло веко. Может быть, в эти последние мгновения уходящей из него жизни, сквозь забытие, он услышал голос, похожий на отцовский? Алексей Николаевич взял ребенка на руки, тот стал приходить в себя. Косыгин распорядился, чтобы мальчика отогрели, покормили, а затем эвакуировали из Ленинграда.

Есть такое выражение: мертвые открывают глаза живым. Но дорожке, когда живые открывают глаза мертвым, возвращая их к жизни, как это произошло на скованной морозом улице блокадного Ленинграда».

Ледовая дорога через Ладожское озеро, «Дорога жизни», стала единственным путем, по которому эвакуировали ленинградцев, доставляли в осажденный город продовольствие, оружие, боеприпасы, горючее...

На станции Борисова Грива, в тринадцати километрах от озера, был организован основной пункт эвакуации ленин-

градцев по «Дороге жизни».

Алексей Николаевич каждые два-три дня наведывался на станцию, объезжал все пункты приема и отправки людей, грузов, пункты ремонта автотехники и защиты «Дороги жизни» от авиации противника.

«В отношении к людям он всегда оставался максималистом. Доверяет или нет. Середины не было. Если кого-то поймает на вранье, этот человек переставал для него существовать. Он не терпел таких вещей.

Еще одна черта, которую ценили все, была – обязательность.

Декабрь 1980 года. Больничное окно, в которое Алексей Николаевич глядел долгими вечерами. Одиночество. В палате припомнился он сам – в его два с небольшим года.

Отец привел всю семью на Смоленское кладбище к могиле матери в Петербурге. «Было зябко. На длинные волосы священника, поверх черного одеяния, падали и не таяли снежинки. Павел, Маруся и Алеша держали свечки, прикрывая их ладошками от ветра. Священник торопливо дочитывал молитву, помахивая кадилом. А потом перекрестил всех по отдельности и громко сказал, глядя почему-то на Алешу: «Уповай на Господа и делай добро; живи на земле и храни истину».

Косыгин Алексей Николаевич в кабинете

Думаю, эти слова священником были тогда сказаны не случайно, он прозрел ту жизнь, что ждала Алешу впереди. В глубине души, верю, что Алексей Николаевич всегда был верующим человеком и руководствовался библейскими истинами. Всегда поминаю его в своих молитвах и верю, Господь его не оставит.

Многие поражались его феноменальной памятью. Ее можно сравнить с историей с первой повестью Паустовского. Молодой писатель затерял рукопись и сел писать повесть заново. А когда написал, нашел пропажу – она завалялась за шкаф. В новом тексте другими были лишь два-три слова. Нечто подобное произошло и с Косыгиным. Он

вышел к трибуне в Большом театре и вдруг обнаружил, что при нем нет очков для чтения. Ни в зале, ни в президиуме никто ничего не заметил – Косыгин прочитал часовой доклад по памяти.

Хочется привести письмо Арама Хачатуряна, адресованное Алексею Николаевичу из 1973 года: «Дорогой Алексей Николаевич!

Ваше письмо растрогало меня до слез. Не могу найти слов, чтобы в полной мере выразить Вам свою благодарность. Тепло и внимание, которое неизменно исходит от Вас, всегда грело и радовало меня. Сейчас Ваше письмо самое лучшее лекарство для меня, ибо я еще нахожусь в загородной больнице. Конечно, я хотел бы взглянуть на Вас и лично поблагодарить. Как Вы себя чувствуете, дорогой Алексей Николаевич, как Ваше здоровье?

Вся наша семья и я с Ниной Владимировной бесконечно благодарны Вам за Ваше участие в моем лечении, за Ваш умный совет лечиться в загородной больнице. Сейчас я чувствую себя хорошо. В конце месяца, надеюсь, меня отпустят домой, где я, наконец, начну работать. Примите наш привет, дорогой Алексей Николаевич, нашу благодарность за Вашу доброту и внимание. С глубоким уважением

Арам Хачатурян

12 июня 1973 г.»

Косыгин Алексей Николаевич

Несмотря на годы, а ему уже шел 73-й год, он был в хорошей форме. Много ходил, во время отпуска на море заплывал подальше, два часа в воде считал нормой; выходил на волейбольную площадку, на каток...

Косыгин был физически крепким, здоровым, спортивного склада человеком. В летний день 1976 года, случилось это несчастье на даче в Архангельском. Он собрался проплыть на своей лодке-одиночке, что делал не раз. Привычно закрепил ноги (позже это спасло его) и отчалил от мостков. Следом отчалили и охранники. Алексей Николаевич еще над ними подтрунивал: «Смотрите-ка, молодые, крепкие ребята, гребут – все в поту и в мыле, но никак не могут угнаться

за мной. Я-то ведь уже в годах». А через несколько минут, совершенно неожиданно для тех, кто плыл во второй лодке и смотрел с берега, косыгинская одиночка перевернулась. Алексей Николаевич потерял сознание и ушел под воду.

Спас его один из охранников. Вызвали скорую помощь и рванули в ближайшую больницу в Красногорск, вернее, госпиталь. Военные врачи вытаскивали Алексея Николаевича с того света. Это ЧП не прошло бесследно... Осенью 1979 года его догнал сильный инфаркт.

Однажды, вспоминает Н.К.Байбаков, обдумав и подписав какой-то документ по здравоохранению, Косыгин странно посмотрел на меня долгим взглядом и начал беседу на неожиданную тему: «Скажи, а ты был на том свете?»

Мне стало чуть-чуть жутковато, и я ответил, что не был, да и не хотел бы там оказаться. – А я там был, – с грустноватой ноткой отозвался Алексей Николаевич и, глядя перед собой отрешенно, добавил: – Там очень уютно...»

Никогда Алексея Косыгина не занимала карьерная гонка, всю жизнь для него главным было дело, за которое Много пришлось пережить Алексею Николаевичу в стенах Кремля. Смерть его, после двух тяжелейших инфарктов, была ускорена и внешними факторами, обострением отношений с Брежневым, Черненко и Тихоновым.

«В утро, на 18 декабря 1980 года, – вспоминал доктор Прохоров, – предстоял обычный врачебный обход – мы просто должны были осмотреть Алексея Николаевича. Он сидел на постели и улыбался нам и вдруг – завалился. Возникла внезапная острая коронарная недостаточность с остановкой сердца. Через несколько секунд приступили к реанимации, но запустить сердце так и не удалось».

В последние два десятка лет – это была экономика всей страны.

«Случалось, что самые светлые головы в правительстве не могли найти решений какой-нибудь проблемы. Тогда раздавался сдержанный голос Косыгина: «А что, неужели нам сообразиловки не хватает? Это было его любимое словечко».

Помимо его великих заслуг перед Россией, думаю, что Алексей Николаевич в душе всегда тянулся к духовному, искал Бога. Читая жизнеописания о старице Любушки, я увидела и упоминания, что Алексей Николаевич не раз посещал ее. Какие вопросы он ей задавал, о чем велась беседа, никому не известно, но верю, что Бог, как в этой жизни, так и в будущей не оставит его.

Еще нашла упоминание о нем где-то, что он был в переписке со старцем Николаем Гурьяновым, с осторова Залит Псковской области. Где и я тоже потом оказалась по воле судьбы.

5. Старцы

Старец Николай Гурьянов.

Кто такой старец? В сознании православных верующих – это высшее духовное звание, но не по внешней церковной иерархии, а по иерархии благодатности, указывающей на предельную для человека близость к Богу.

Старец, по воле Божией, ведает многим, нами неосознаваемым, видя впереди в мире, как бы над временем паря в высотах духа.

Старец – это всегда носитель благодатных даров Духа Святого: рассуждения, утешения, сердечной непре-

станной молитвы, исцеления, прозорливости...

Более 40 лет старец служил в храме святителя Николая Чудотворца на острове Талабск (Залит) Псковской епархии. Будучи сам великим старцем, архимандрит Иоанн (Крестьянкин) говорил о протоиерее Николае Гурьянове, что он является «единственным по-настоящему прозорливым старцем на территории бывшего СССР».

Я имела радость недолгого общения с дивным подвижником, старцем Николаем (Гурьяновым). Он как бы излучал некий Свет, Свет доброты, мира душевного, радости.

Встречу эту, я запомнила на всю жизнь, и буду хранить всегда в своем сердце.

Однажды, он предсказал мне, что Господь исцелит меня, и я в это очень верю и надеюсь. Как только смогу, обязательно приеду на могилку батюшки Николая. Потому что Свет любви, витает и над его могилкой, которая, по слову Писания, «сильней смерти».

Недавно я познакомилась с известной рок – певицей Ольгой Кормухиной. Верю, что это батюшка Николай нас свел. Она была его духовной дочерью. Мечтаю попасть на остров, на могилку батюшки. Скоро это сбудется, обязательно!

Сегодня имя старца Николая Гурьянова известно тысячам

людей. Батюшка принадлежит к поколению людей, претерпевших за веру и преданность Богу притеснения от властей, тюремные и лагерные заключения и ссылки. После освобождения он целые годы провел в неизвестности, трудах и молитве на отдаленном рыбацком острове Залита Псковской области.

Для меня отец Николай стал человеком, с которого начался путь к Богу.

Старец в воспоминаниях современников

Протоиерей Николай Гурьянов

Игуменья Пюхтицкого монастыря Варвара (Трофимова) вспоминала о старце Николае (Гурьянове): «К отцу Николаю, как к своему духовному отцу, ездили мы с матушкой Георгией (ныне игуменья Горненской Иерусалимской обители) на остров ежегодно. Обычно мы ехали через Псково-Печерский монастырь. Я очень люблю эту древнюю обитель и особенно батюшку отца Иоанна (Крестьянкина). Они с отцом Николаем были очень похожи друг на друга: и почти ровесники, и говорили почти одно и то же. Разница была лишь в том, что отец Иоанн говорил прямо, а отец Николай в разговоре немного юродствовал, часто давал ответ духовной песней. Бегая славы человеческой, он ходил иногда в беретике, в маминой кофточке, в калошиках. Это мои любимые старцы!

Простота и любовь к людям, животным, растениям, ко

всему, что сотворено Богом, выделяли его среди других... Когда отец Николай приехал на остров, около его домика было пустое место, напротив – кладбище с разбитой оградой и ни одного деревца. А ему так хотелось всё украсить! И он из Киева, Почаева, Вильнюса, Пюхтиц собирал растения, корни кустов и цветов и сажал на острове. Батюшка с любовью ухаживал за деревцами. Тогда еще там не было водопровода, и воду батюшка носил с озера, по 100—200 ведер. Всё сам поливал: и кусты, и цветы, и будущие деревья. Рядом с домом батюшка посадил хризантемы, георгины, гладиолусы. Теперь мы видим плоды его трудов: повсюду зазеленели туи, пихты, лиственницы. А где зелень, там и птицы. Сколько их наполнило своими голосами ранее пустой остров! Для них, для птишек Божьих, отец Николай устроил «столовую под открытым небом». Чистой своей душою батюшка был близок всему, что сотворено десницей Божией.

Отец Николай был целибат. У нас в Вильнюсе его все знали и поминали в записочках как священноинока Николая. У матушки игумении Нины (Баташевой; в схиме – Варвары) спрашивала об этом, и вот что она мне рассказала. Отец Николай говорил, что, если будет угодно Господу, он примет постриг в монашество. У матушки Нины даже хранилась одежда, которую сестры сшили для пострига отца Николая. Но в войну, когда женский монастырь сильно бомбили, у матушки игумении всё сгорело, в том числе и эта одежда.

Отец Николай рассудил, что на его монашество нет Божией воли, и пострига не принимал».

Ольга Кормухина

Известная певица, делилась: «Надо сказать, что в это время у меня были две серьезные проблемы: курение (я никак не могла бросить курить, хотя и очень хотела этого) и еще мне нравились вкусные спиртные напитки. Я, можно сказать, «кайфовала» от изысканных ликеров, ромов, вин и ничего не могла с собой сделать... Вот подходим мы к домику, видим: люди вокруг старца кучками собрались; мы к ним присоединились. А он бегаёт между людьми и спрашивает: «Пьешь, куришь? Пьешь, куришь? Пьешь, куришь?» А меня не спрашивает. Я думаю: «Ведь это моя проблема. А меня он не спрашивает». Я хочу сказать, а не могу. Чувствую, что бес мне рот заткнул. Просто естественно это чувствую. У меня вены на шее надулись, а я не могу ни слова сказать. Но чувствую, что если я сейчас не скажу, то мне конец. Просто конец. И всё! Я напряглась из последних сил и взмолилась: «Господи! Помоги мне!» И тут же закричала: «Батюшка! Я пью, курю! Ненавижу себя за это!» А он как будто ждал этого, подбежал ко мне, перекрестил рот и говорит: «Всё. Больше не будешь». И действительно, это было 19 июля 1997 года, с тех пор я не принимаю ни спиртного, ни сигарет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.